

(в РФ — 13,2%, 13,0 и 10,5%) (*Труд и занятость в России*. С. 41, 52). По подсчетам экономистов, доля безработных в сельской местности была выше, поскольку там значительно число лиц, живущих на случайные заработки и не зарегистрированных в качестве безработных.

В сельской местности существенно ограничены возможности трудоустройства и переобучения, а тем более создания новых рабочих мест, поэтому высвобождавшиеся из сельхозпредприятий сельчане вынуждены были искать возможности получения любой работы — от сезонной до одноразовой, случайной, а также все больше заниматься своим приусадебным хозяйством. В условиях нарастающей безработицы ведение личного хозяйства рассматривалось населением как наиболее оптимальный способ обеспечения своей занятости, независимо от того, что Госкомстат не квалифицировал труд в личных подворьях как занятость работающих, а относил к экономически не активному населению. Но в действительности ЛПХ являлось сферой фактической занятости сельчан и условием их выживания. В то же время ЛПХ выступало серьезным, сдерживающим массовую безработицу фактором.

Как правило, трудовая деятельность на личных подворьях выступала продолжением работы в общественном секторе и носила характер вторичной занятости (кроме пенсионеров и молодых семей). Вторичная занятость была зафиксирована переписью населения еще в 1989 г. Она преимущественно распространялась в городах в виде совместительства, а на селе — в ведении приусадебного хозяйства, значимость которого в дореформенный период постепенно убывала. В 1990-е гг. в связи с падением производства в сельхозпредприятиях и низкими доходами в них, составлявшими в 2000 г. треть от зарплаты в промышленности (*Труд и занятость в России*. С. 376), ведение ЛПХ как вторичная, сверх основной работы, занятость превратилось по сути дела в основную. Оно выступало способом адаптации занятого населения к экономическим реформам и служило фактором выживания на селе. К концу 1990-х гг. в среднем по России различными формами вторичного труда было охвачено до 30% занятых, а на селе — практическое большинство (*Клопов Э.В. Вторичная занятость как форма социально-трудовой мобильности // Социологические исследования*. 1997. № 4. С. 29).

С.А. ШАЛАМОВА

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ И БРАЧНОГО ВОЗРАСТА МОЛОДЕЖИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

В дореволюционный период, как и сегодня на молодежь обращали пристальное внимание власть, общество и церковь, так как молодежь и подрастающее поколение являлись важным звеном в процессе вос-

производства населения и в процессе социализации, а молодые люди считались основным контингентом пополнения рядов русской армии. Интересно, что при выяснении проблемы границ возраста совершеннолетия и вступления в брак у молодежи, которые можно было бы считать отправной точкой начала зрелости молодых людей в изучаемый период, нет единого мнения среди исследователей.

Что можно считать верхней границей совершеннолетия молодого человека, и как определить нижнюю границу брачного возраста с учетом комплекса всех возрастных и иных характеристик молодежи в представленный период? Таковы задачи данной публикации. Статья является одним из аспектов диссертационного исследования автора, посвященного образу жизни молодежи Восточной Сибири в изучаемый период.

Анализ изученной литературы и источников, показывает, что границы совершеннолетия молодежи и брачного возраста, как и самого понятия «молодежь», достаточно размыты и условны. Думается, что возрастные границы, характеризующие такую социально-демографическую группу как молодежь, можно обозначить в промежутке от 14 до 30 лет. Этот возрастной промежуток включает в себя как начало физиологической зрелости девушек и юношей, так и более благоприятное время для вступления в первый брак (*Бернштам Т. Б. Молодежь в обрядовой жизни русской общины в XIX–XX вв. Л.: Наука, 1988. С. 25*). В данном случае, следует различать молодежь до брачного возраста и молодежь брачного возраста, с присущими ей особенностями. Необходимо отметить, что понятие «совершеннолетие» молодого человека многомерно и рассматривать его следует комплексно, в зависимости от целого ряда факторов. С правовой точки зрения российское законодательство позволяет определить правовой статус молодого человека, возраст достижения совершеннолетия, когда молодой человек становился полноправным субъектом правоотношений, и мог сам принимать решения.

Согласно Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Свода законов гражданских, статьи 6 известно, что несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет не могли заключать в тюрьму, которую могли заменить исправительные приюты. При этом подчеркивалось, что несовершеннолетние не могут содержаться в данных приютах по достижении 18 лет (*Российское законодательство X–XX вв. Т. 8. Судебная Реформа. М.: Юрид. лит., 1991. С. 395*). Отсюда видно, что с 18 лет, наступала, уголовная ответственность молодого человека и его могли посадить в тюрьму.

Интересно, что до революции институту опекунов и попечительства отводилась важная роль, за несовершеннолетними устанавливалась опека и досмотр. В ст. 217 «Свода законов гражданских», четко прописывались возрастные границы несовершеннолетия, где отмечалось 3 этапа: первый — от рождения до 14 лет, второй — от 14 до 17 лет, третий — от 17 до 21 года (*Свод законов гражданских / сост. И.М. Тютрюмов. Петроград: Изд-е юридич. кн. магаз. И.И. Зубкова, 1915. С. 180–181*). Кроме

того, в конце XIX в., по новому воинскому уставу 1888 г., устанавливался 5-летний срок действительной службы, а также повышался призывной возраст на действительную службу с 20 до 21 года для молодых людей (*История России XIX–XX вв. / под ред. В.А. Федорова. М.: ООО «Витрэм», 2002. С. 203*).

Также следует отметить, что в период от рождения до 21 года, несовершеннолетние были ограниченно дееспособны, и не обладали полными правами. Например, ст. 220 Свода законов гражданских свидетельствует о том, что в 17 лет несовершеннолетний получал некоторую правоспособность, (в управлении своим имуществом, в участии в суде, в отчуждении движимости, в получении дохода с капитала и т.д.). Но, вступать в долговые и письменные обязательства, совершать акты и сделки, полностью распоряжаться капиталами, 17-летний мог только с согласия своих попечителей (*Свод законов гражданских. С. 186*). Наконец, с экономической точки зрения полная дееспособность молодого человека наступала при достижении совершеннолетия, т.е. с 21 года от рождения. Согласно ст. 221 Свода законов гражданских именно в 21 год, молодой человек получал полные имущественные права и свободу вступать в обязательства.

Важным показателем зрелости молодого человека являлось избирательное право. Согласно «Положению о выборах в Государственную Думу» 1905 г. избирательное право распространялось на лиц мужского пола не моложе 25 лет, что имело сходство с «Городовым положением 1870 года», когда в органы городского самоуправления избирались мужчины с 25 лет (*Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. М.: Юрид. лит., 1994. С. 60*).

Таким образом, согласно Российскому законодательству рубежа XIX–XX вв. в 25 лет лица мужского пола являлись полностью правоспособными молодыми людьми, способными к самостоятельной взрослой жизни, а женщины того же возраста были практически бесправны, не имея доступа ни к высшему образованию, ни право голоса. Поэтому в правовом отношении 25 летний возраст для мужчины был началом зрелости, новым этапом взросления, отделявшим его от границ несовершеннолетия и юности.

Брачный возраст молодежи, как верхний рубеж от достижения совершеннолетия до начала зрелости у молодежи, также значительно варьировался, как правовыми установлениями, социальными различиями, так и территориальным и религиозным факторами. В «Своде законов гражданских» четко прописывались границы брачного возраста. Согласно ст. 3 вступать в брак могли лица мужского пола по достижении 18 летнего возраста, а женского пола в 16 лет. При этом отмечалось, что коренным жителям в Закавказье разрешено заключать брак жениху с 15 лет, а невесте с 13 лет. При этом запрещалось вступать в брак без согласия родителей, опекунов и попечителей, хотя такой брак и не признавался, но

был действительным. Особый возраст брачного совершеннолетия был установлен для офицеров. Офицерам, состоящим на действительной военной службе во всех без исключения войсках, военных управлениях, учреждениях и заведениях, не дозволялось вступать в брак ранее 23 лет и ранее двух лет выслуги в той воинской части, где они женятся.

Следует подчеркнуть, что в отличие от европейской России в сибирском регионе на сферу семьи в большей степени влияли не законодательные инновации, а социально-экономические и культурные процессы, протекавшие на территории, и, конечно же, традиции. Брачно-возрастные особенности городских и сельских жителей в Сибири не были однородными. Например, согласно исследованиям Ю.М. Гончарова уровень брачности в городской среде был ниже, чем в крестьянстве, соответственно, 6,7 и 8,4 браков на 1 000 чел. в 1909–1913 гг. (*Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX–начало XX вв.). Новосибирск: ИД «Сова», 2004. С. 216–217*). Официальная статистика показывает, что в городах и мужчины и женщины вступали в брак в более позднем возрасте, чем в сельских районах. В городах Сибири большинство вступивших в брак имели возраст 21–22 года у женщин и 25–26 лет у мужчин. При этом размах вариаций возрастов был довольно значительным и у мужчин гораздо больше, чем у женщин. Минимальный возраст невест в первом браке составлял 15 лет, а максимальный — 40–50 лет; у женихов минимальный возраст первого брака составлял 17–18 лет, а максимальный — 45–65 лет (*Там же. С. 217*). Согласно подсчетам В.А. Зверева в начале XX в. основная масса деревенских парней и девушек в Сибири вступала в брак до 25 лет. При этом у девушек повсюду преобладала верхняя возрастная граница — до 20 лет (Тобольская, Енисейская, Иркутская губернии), а у юношей либо до 20 лет (Тобольская, Енисейская губернии), либо до 25 лет (Иркутск). В целом, наблюдалась стабилизация брачного возраста мужчин в пределах 18–25 лет, а женщин — 17–21 года (*Зверев В.А. Брачный возраст и количество детей у русских крестьян Сибири во второй половине XIX–начале XX вв. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири: XVIII–начала XX вв. Новосибирск, 1985. С. 74*). В городах на протяжении всего XIX столетия значительными были социальные различия брачно-возрастных особенностей. Дворяне, чиновники, военные рано покидали семьи, соответственно мужчины из этих слоев поздно вступали в брак. Напротив, дети купцов, мещан и крестьян, даже став взрослыми, не всегда могли отделиться: они были привязаны к месту жительства, своему сословию, семье и профессии и поэтому часто должны были следовать дорогой, проложенной их родителями.

Наибольший средний возраст вступления в первый брак у мужчин, был у военных (нижних чинов) — 30–31 год, дворян и чиновников — 27–28, купцов — 27–30 и разночинцев — 25–27 лет. Мужчины других сословий женились раньше: мещане в 24–25, крестьяне 23–24, духов-

ные — в 21–24 года. У женщин наибольший средний возраст отмечен для военных, а также дворян и чиновников — 23–26 лет. Для невест из сословия духовенства — наименьший средний брачный возраст составлял 17,5 лет (Гончаров Ю.М. *Демографическое развитие городской семьи Сибири середины XIX–начала XX в. // Компьютер и историческая демография. Барнаул. 2000. С. 37*).

Более высоким, чем у православных был возраст вступления в брак у евреев. Например, в Восточной Сибири у евреев крестьянского сословия средний возраст невесты — 21 год, а жениха — 26–27 лет. В городах мужчины заключали браки в возрасте 30–32 лет. По еврейским традициям жених должен был иметь источник существования семьи (Кальмина Л.В. *Еврейская семья Восточной Сибири (середины XIX–начало XX в.): опыт историко-демографической характеристики // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 155*).

Таким образом, исходя из вышесказанного, следует, что границы достижения совершеннолетия и начала брачного возраста у молодежи до революции были достаточно подвижны. Если взять за основу исследования процесс социализации, то молодежь следует рассматривать в процессе ее социально-психологического становления и профессионального самоопределения, в среднем возрастном промежутке от 14 до 30 лет. С демографической точки зрения молодежь интересна в брачном возрасте, наиболее подходящим для создания семьи. С юридической точки зрения молодежь представляет собой субъект правоотношений с набором определенных прав и обязанностей и степенью ответственности. В экономическом плане молодежь можно рассматривать с позиции имущественных, наследственных и др. прав. Социокультурный аспект в изучении молодого поколения, также по-своему интересен. Поэтому, необходимо подчеркнуть, что при изучении такой социовозрастной группы как молодежь за основу исследования можно брать любой критерий, исходя из конкретной цели и задач исследования.